

Илья Рейдерман

ГОГОЛЬ КАК ПОСТМОДЕРНИСТ

*А всё, однако же, как поразмыслишь,
во всём этом, право, есть что-то.*

Н. В. Гоголь «Нос»

Ранний Гоголь – типичный романтик. Потом – с лёгкой руки литературных критиков – он превращается в одного из основоположников русского реализма. Впрочем, Владимир Набоков в своей блестящей работе о Гоголе в своё время попытался разрушить этот миф, показав, что все персонажи Гоголя – плод его фантазии, а не кропотливых наблюдений, они не списаны с натуры, и во всей России не найдём мы ни Манилова, ни Ноздрёва, ни даже Чичикова. Впрочем, и другой, более поздний автор, Владимир Турбин, сравнивает Гоголя с кукольником, а его персонажей соответственно с куклами. Заподозрив в Гоголе постмодерниста, мы делаем это лишь с целью попытаться объяснить одно из загадочных творений Гоголя при помощи постмодернистского дискурса. Является ли то, что произошло с майором Ковалёвым, реальностью? Неправдоподобие бросается в глаза, оно здесь, можно сказать, нарочито. Но для постмодерниста всякая реальность есть прежде всего текст, который может быть прочитан и интерпретирован в соответствии с установками читающего: «...реальность есть не что иное, как знаковая система, состоящая из множества знаковых систем разного порядка, т. е. настолько сложная знаковая система, что её средние пользователи воспринимают её как незнаковую» [4, с. 270].

Некий В. Карлгоф в 1832 г. писал в своём «Панегирике носу»: «С потерю носа теряется благородство человека», ибо «нос есть олицетворённая честь, прикреплённая к человеку» [7, с. 86]. С позиций семиотики мы назвали бы эту «олицетворённую честь» означающим. Разгуливающий самостоятельно нос есть означающее, оторвавшееся от означаемого. Бодрийяр назвал такой нахальный знак симулякром, имея в виду «порождение, при помощи моделей, реального без истока и реальности». Речь идёт о «замене реальности знаками реального» [3, с. 729]. Нахально разгуливающий нос не есть житейская, бытовая реальность (о чём не догадываются простодушные петербуржцы, толпами собирающиеся поглазеть на это диво). Это именно реальность, лишённая онтологического фундамента, лишённая истока в некоей подлинной реальности, словом реальность виртуальная, иллюзорная, ирреальная. Как таковая она свидетельствует не просто о множестве реальностей (что является одной из навязчивых идей постмодернизма), но о некоем кризисе реальности как таковой. Знаки, выдающие себя за реальность, говорят о том, что случилось с реальностью. Реальность лишена подлинности,

глубины, укоренённости в самой себе и, в конечном счёте, в мире, в Боге.

Читая Гоголя, мы видим, что в жизни его персонажей господствует чётко заданная семиотическая стратегия «прочтения» как мира вещей, так и мира людей. Эта стратегия подчинена прежде всего чиновничьей таблице о рангах. «По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он статский советник» [1, с. 226], – думает майор Ковалёв, но и Нос безошибочно опознаёт, что майор служит не по его ведомству. Знаки – вместо человека. Такого рода знаками у Гоголя часто выступают вещи. Например, шляпка, лёгкая как пирожное, выступает знаком аппетитной дамочки, которую Ковалёв видит тут же, в церкви. Затем такими же знаками выступают «яркой белизны подбородок и часть щеки, осенённой цветом первой весенней розы» [1, с. 227]. То есть опять-таки часть вместо целого. Тут-то Ковалёв и вспоминает, что у него самого недостаёт некоей значимой части. Повышенная, можно сказать, избыточная семиотизация реальности вынуждает людей определённым образом смотреть, видеть, воспринимать реальность – так, как на неё указывают знаки, а не во всей её свободной жизненной полноте. Майор Ковалёв – воплощённый образец такого узкого знакового восприятия. История, приключившаяся с его носом, должна нам намекнуть на эту сторону дела: реальность уже, можно сказать, редуцирована к знакам. Именно это – не к добру, это симптом того, что приключилось с реальностью в этом месте и в это время.

В своих ранних повестях Гоголь даёт полную волю фантастике. Это сказочная, романтическая фантастика, которая создаёт ощущение некоей избыточной витальности, игры жизни, полноты бытия, несмотря на участие в сюжете нечистой силы. «Нос» же – одна из петербургских повестей. В Петербурге не только плохой климат. Это странный, умышленный город, город-призрак, придающий ореол призрачности всему, что в нём случается. «Петербургский текст» русской литературы, у истоков которого стоят Пушкин и Гоголь, акцентирует эту черту. Уже в «Петербурге» Андрея Белого этот мотив морока, призрачности, кошмарного сна наяву явлен во всей своей полноте. Но Белый наследовал Гоголю. В культовом фильме «Матрица» – матрицей является генератор искусственной, виртуальной реальности, сквозь которую люди не могут прорваться к самим себе, к реальности подлинной. Но что есть подлинная реальность? Этот вопрос – ключевой для всей культуры ушедшего и нынешнего столетия. «Проблема онтологического статуса реальности была в XX веке одной из главных. Что, если вся культура XX века – это «страшный сон»? – пишет В. Руднев в статье «Сновидение» [5, с. 423]. И в другом месте – ещё более категорично: «Мира обыденной реальности, «данной нам в ощущениях», для XX века просто не существует» [5, с. 462]. Есть язык, есть тексты, есть знаки, заменившие реальность. Таким образом, реальность деонтологизируется – а тем самым и виртуализируется. Но такого рода кризис реальности

изображает ещё Гоголь – на столетие раньше.

Повесть «Нос» первоначально задумывалась как рассказ о сне майора Ковалёва. Впоследствии он эту мотивировку снял, оставив весь алогизм изображаемых событий без изменений. И получилось произведение чуть ли не в духе литературы абсурда – ничего подобного мы не найдём ни у раннего Гоголя, ни тем более у позднего. Известный исследователь творчества Гоголя Ю. Манн говорит, что дальнейшая стадия гоголевской эволюции – отказ от фантастики и развитие таких изобразительных средств, «которые правильнее называть проявлением не фантастического, а странно-необычного» [6, с. 192]. Фантастика «Носа» радикально отличается от романтической фантастики «Вечеров на хуторе...». Это скорее похоже на «беспредел» постмодернизма, на подчёркивание алогизма, выморочности, неподлинности реальности, у которой есть только внешние скрепы, но нет смыслового ядра, нет живой жизни. Это мёртвая реальность, где отдельный знак значит больше, чем действительный человек. Это искусственная реальность. Большие города – «матрицы», машины по производству виртуальной реальности, главная черта которой – в полном соответствии с постмодернистским дискурсом – утрата Истины. Нет ни истинной реальности, ни подлинного человека. Человек здесь находится на самой поверхности жизни, утратив свою экзистенциальную глубину. Именно поэтому он и похож скорее на куклу, чем на подлинного человека. В реакции майора Ковалёва на утрату носа нет и намёка на трагизм. А уж поведение его после обретения носа и вовсе свидетельствует о некоем автоматизме рефлексов. Симуляция жизни вместо самой жизни – явление, возникшее задолго до Бодрийера с его симулякрами. «Чепуха совершенная делается на свете», – не без досады заявляет автор [1, с. 241]. Смысл повести, истолкованной под знаком, так сказать, наинновейших идей, оказывается в том, что как раз нет и не может быть никакого смысла, что эта жизнь бессмысленна по определению, изначально, ибо в ней господствует внешнее без внутреннего, поверхность, за которой нет глубины, пустые знаки, которые разве что формально нуждаются в означаемых. Известный славянофил Аксаков как-то уподобил Гоголя Гомеру, говоря об эпичности его дарования. И в самом деле, Гоголь второго тома «Мёртвых душ» нуждался не только в положительных героях, но и в положительной действительности, в которой есть вольная игра жизни, полнота бытия, полновесность всего сущего... Почему он не поверил беспощадному диагнозу, который он поставил изображаемой реальности в повести «Нос», диагнозу, опередившему своё время? Увы, этот последний вопрос придётся оставить без ответа.

Заявив о сходстве гоголевской повести с произведениями куда более позднего по времени авангарда, не могу не поставить в этот ряд «Превращение» Ф. Кафки и «Старуху» Д. Хармса. Герой «Превращения»

Грегор Замза внезапно превратился в насекомое (у Достоевского есть очень характерный неологизм «унасекомить»), и первая же его мысль – о том, а не приснилось ли это всё ему. У героя повести Даниила Хармса – речь идёт о старухе, которая приходит к писателю в дом и умирает. Но смерть какая-то ненастоящая – похоже, что старуха оживает, сползает со стула, ползёт по полу и снова умирает. Изрядно подвыпивший перед этим герой уснул, и просыпается в надежде, что всё это ему приснилось. Попытки избавиться от старухи тщетны. Как видим, фантастика у этих авторов не менее смелая и откровенная, чем у Гоголя, и так же точно подводит к убедительному выводу об абсурдности то ли этого отдельного происшествия, то ли человеческой жизни целиком. Солидарны авторы и в предположении о кошмарности и снопоподобности изображаемой реальности. «Жизнь есть сон» (Кальдерон). Однако сегодня уместнее употребить термин «виртуальная реальность». Что разгуливающий нос есть симулякр, и что само его появление есть сигнал о виртуальности данной реальности – уже говорилось. Интересно, что один из первых разработчиков виртуальной реальности носит фамилию Носов, как едва ли не прямой потомок гоголевского героя. Автор различает константную реальность от виртуальной, а потом делает вывод о множественности реальностей вообще, о том, что виртуальная реальность может быть константной по отношению к виртуальной реальности другого уровня [2, с. 34]. Всё равно, как матрёшка, вложенная в другую матрёшку, и так до бесконечности. Разумеется, такая многоуровневая реальность – достояние скорее уже наших времён, когда виртуальные реальности умышленно фабрикуются. Моя же задача – показать, что и та реальность, в которой существует, казалось бы, вполне типичный майор Ковалёв, тоже носит искусственный, условный характер, будучи сфабрикована социумом. И история о виртуальном носе-симулякре рассказана как раз для того, чтобы мы сделали соответствующий вывод обо всей реальности.

На месте носа у майора Ковалёва – совершенно гладкое место. Добро бы была рана, след того, что здесь недавно был нос. Гладкое место – знак пустоты, отсутствия. Без носа майор – как бы и вовсе не майор, а совершенное никто. Уже упоминавшийся Николай Носов различает два подвида переживания человеком виртуальной реальности: гратуал и ингратуал. Состояние ингратуала связано с замедлением времени и каким-то тяжелым разладом всего механизма существования. Именно его и переживает потерявший свой нос майор. А обретя потерянное, он оказывается в состоянии гратуала – некоего подъёма, веселья, убыстренного движения времени, быстроты реакций.

Николай Носов рассматривает виртуальную реальность очень широко – как то, что вообще свойственно человеческой психике с давних времён, что использовалось, например, в мистических переживаниях, шаманских

практиках (о переживании подобных «нереальных реальностей» подробно говорится в книгах Карлоса Кастанеды). Но меня интересует понятие виртуальной реальности в узком смысле слова – как реальность условная и в некотором смысле мнимая, даже если она переживается как единственно реальная... Информационные знаки реальности могут восприниматься даже ярче, чем конкретно-чувственный мир. В традиционном, преимущественно аграрном обществе у людей есть несомненное чувство первой, базовой реальности, к которой они кровно причастны, в которой они укоренены. Если бы Гоголь писал о крестьянах, о современных ему пусть даже и крепостных мужиках – проблема виртуальной реальности не существовала бы. Но по мере того, как живущий в призрачном городе человек утрачивает «корни» и почву под ногами, да и вообще некие безусловные основы жизни, в том числе и нравственные, он рискует превратиться в беспочвенного мечтателя, в пустого человека, винтик в бюрократическом аппарате, так сказать, априори отчуждённый от подлинно реальной жизни. Перед нами проходит целая галерея таких людей – это и чиновник в газетной экспедиции, и полицейский, намекающий на необходимость взятки... Впрочем, даже и быт может быть ритуализирован и разыгран, как часть каждый день идущего спектакля – таковы отношения цирюльника-алкоголика и его жены. Кстати, Николай Носов настаивает на том, что ведущим механизмом алкоголизма является именно переживаемая алкоголиком в состоянии опьянения виртуальная реальность.

Современники Гоголя не вполне его понимали – они требовали от него реализма. А Гоголь изображал реальность, которая как бы не вполне реальна, как бы утратила основательность и подлинность – и люди как бы разыгрывают свою жизнь как некий кукольный спектакль. Глубокие прозрения Гоголя бросают свет на реальность нынешнюю, реальность эпохи постмодерна. В этой реальности требуют «власть воображению» (кажется, именно с таким лозунгом вошли на улицы французские студенты в мае 1968 г.) – и человеку, живущему в поистине многослойной реальности, всё труднее разделить «слои» этого пирога, выявив, где он не играет или воображает, а живёт подлинно, является действительно самим собой. Требования экзистенциалистов во что бы то ни стало «быть собой», дабы вообще сохранить подлинность бытия и ответственность субъекта, нынче позабыты. Утрата субъекта в его экзистенциальной подлинности не в последнюю очередь связана с прогрессирующей виртуализацией жизни. Эта виртуализация и есть подлинное бедствие, рождённое современной техногенной цивилизацией, но похоже, что оно ещё не заботит человечество так, как загрязнение воды, воздуха, и другие экологические бедствия. К «смерти Бога» и «смерти Автора» добавляется и смерть Субъекта, который уже не может быть самим собой в условиях

фабрикуемой виртуальной реальности, каковой является не только реальность на телеэкране, но и окружающая со всех сторон агрессивная реальность самого социума с его кукольными политическими комедиями и достаточно условными и программируемыми отношениями между людьми. Современный человек – куда более свободен, чем человек традиционного общества, но он как бы утратил «силу тяготения», которая тянула его к земле и вписывала в безусловную реальность, в которой ещё имели вес и жизнь, и смерть. Лишённый же этой экзистенциальной «тяжести», он невольно оказывается в самых верхних слоях реальности, на той самой подобной ленте Мёбиуса бесконечной поверхности, которую так выразительно описывает постмодернистские философы. Впрочем, ощущение тупиковости этого пути уже назрело. И в рамках позднего постмодернизма уже разрабатываются программы, направленные на хотя бы частичное «воскрешение субъекта» [3, с. 135], которое, пожалуй, невозможно без демистификации неподлинной реальности, без осознанного сопротивления виртуализации жизни.

1. Гоголь Н. В. Повести. Ревизор.– М: Художественная литература, 1984.
2. Носов Н. Виртуальная психология.– М.: Аграф, 2000.
3. Постмодернизм. Энциклопедия.– Минск, 2001.
4. Руднев В. Словарь безумия.– М: Независимая фирма «Класс», 2005.
5. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века.– М.: Аграф, 2003.
6. Русские писатели. Биобиблиографический словарь. А-Л.– М: Просвещение, 1990.
7. Турбин В. Пушкин. Гоголь. Лермонтов.– М: Просвещение, 1978.